

ЭВГЕМЕРИКИ В РАННЕПТОЛЕМЕЕВСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ

СЕРГЕЙ БЕЛОЗЕРОВ
gentbrugg@yandex.ru

SERGEI BELOZEROV

EUHEMERICS IN EARLY PTOLEMAIC ALEXANDRIA

ABSTRACT. The article presents a new view on the circumstances and features of the origin of euhemerism in all its genre diversity – from mythographic utopias, chorographies and mirabilia to pseudoperiples and paradoxography. An in-depth analysis of the sources that have come down to us gives grounds to assume with a fairly high degree of probability early Ptolemaic Alexandria as its main launch pad and epicenter and to link it with the activities of Demetrius Phalereus, the founder of the famous in antiquity Mouseion and the Library.

KEYWORDS: Demetrius Phalereus, Euhemerus, Palephatos, Dionysius Scytobrachion, Iambulus, Leon of Pella.

До сих пор вопрос о существовании в Александрии в царствование Птолемея I Сотера – при Библиотеке или иначе – некоего кружка писателей (далее мы будем именовать их эвгемериками¹), кажется, никогда не рассматривался и даже всерьез не ставился, тем более в связи с Деметрием Фалерским. Но это не удивительно – подробности его александрийского (и египетского вообще) бытования по труднообъяснимым причинам остаются вне внимания исследователей.

¹ В литературе прижились – в частности, у обильно цитируемого нами далее Д.О. Торшилова – «эвгемеристы». Но нам больше по душе именно «эвгемерики». Мы не очень понимаем, чем, скажем, «сократики» провинились перед «пифагорейцами» или «пифагорейцами».

В чистом виде эта тема, попытка реконструкции эвгемеризма в социально-историческом контексте применительно к Александрии времён Деметрия Фалерского – наша авторская фантазия. Однако, как видится, она удобологически обосновывается. Не только принадлежностью к указанному хронотопу, но и почти полной – за редким исключением – общностью других существенных признаков.

К их числу отнесём:

а) явные черты литературной утопии, нередко по внешним приметам – больше или меньше – солярной;

б) перетолковывание мифов, в том числе относящихся к природе и происхождению богов;

в) жанры романов-путешествий к дальним островам, а также «удивительных историй» и «рассказов о необычайном» как их составной либо обособившейся в самостоятельную части (измышление диковинных подробностей о животном и растительном мире «новонайденных» таким образом местностей, внешнем облике и обычаях представителей населяющих их племен);

г) литературная «скрытность» большинства авторов; они прятались за псевдонимами, некоторые за несколькими сразу.

Однако одиночные попытки (но без выхода на обобщения) объединения разных членов «кружка» по тем или иным признакам нельзя не отметить.²

Деметрий Фалерский соприкасался с эллинистической утопией не впервые. До Александрии он мог находиться в довольно тесных отношениях с Алексархом. Братом македонского правителя Кассандра, который назначил Деметрия своим наместником в Афинах всего за год до того, как Алексарх разметил на холме возле прибрежной фракийской деревушки Сане улицы будущего Уранополиса. К такому выводу подводят нас предположения некоторых ученых, будто именно Сане являлась тем местом во Фракии, куда после поражения в Ламийской войне отправляли афинян, потерявших гражданство по новому имущественному цензу в 2000 драхм. Ввод которого, кстати сказать, был навязан победителем в ней – Антипатром, «по совместительству» приходившимся отцом как Кассандру, так и Алексарху. Деметрий, управляя Афинами, конечно, занимался проблемами, связанными с миграцией бывших сограждан во Фракию.

Для Кассандра затеянное его родственником, пусть и незаконнорожденным, строительство утопического города на атосском перешейке Халкидиков выглядело совершенно нехарактерной культуртрегерской инициативой.

² См. в качестве примера, Truesdell 1946.

И сочеталось только с экспедицией на юг Аравии, в которую он якобы отправил Эвгемера Мессенского (как раньше массалиоты – Пифея за Геракловы Столбы). Личность легендарную, загадочную и интересную в наших представлениях об истории диадохов больше места, чем Алексарх, только благодаря упоминанию его и его трактата «Священная надпись» («Ἱερὰ Ἀναγραφὴ») об «острове блаженных» Панхайе в труде Диодора Сицилийского.³

Нам мало известно об Эвгемере. Оспаривается даже Мессена на Сицилии как место его рождения.⁴ Эвгемера считали близким к кругу философов-киренаиков и к тому же безбожником (как Феодора). По крайней мере, он фигурирует в появившемся в конце II века до н.э. списке атеистов, авторство которого приписывается Клитوماху Карфагенскому. Попытки рационалистически объяснить мифы роднят его и с Палефатом. Однако то, в чем Эвгемер был, без сомнения, оригинален, тоже существует. Он обозначил одну из первых в эллинистический период⁵ попыток греческой философии, греческой мысли вообще ступить за пределы традиционной географии, расширить ойкумену в своем собственном сознании.

Это плавание имеет достаточно внешне правдоподобных причин считаться случившимся на самом деле. Во-первых, сам Эвгемер, как передает Диодор Сицилийский, говорил о своем нахождении на службе у Кассандра. Во-вторых, в случае, если бы Эвгемеру благоприятствовала удача, Кассандр мог прослыть просвещенным монархом-меценатом, покровителем наук и исследований. И заодно с расширением своего поля зрения и практических интересов до пределов Аравии рассчитывать, если не превзойти Александра, дошедшего до Индии, то хотя бы встать вровень с ним по дерзновенности замыслов. А, может, и превзойти, поскольку «но никто из людей не мог проплыть по этим местам»,⁶ как пишет в «Индики» Арриан.

«Парадоксально, но в древности ни одна попытка совершить полное плавание вокруг Аравии, т.е. вдоль берегов Эритрейского моря, не увенчалась успехом, и ни одного “индивидуального” перипла его акватории никогда не существовало. Попытки мореплавателей от Скилака до спутников Александра не увенчивались успехом из-за нехватки кораблестроительных и

³ Диодор, V.42.4–46.7; VI.1.1–11.

⁴ Называются также Тегея и Кос.

⁵ Мы закладываемся на даты появления историй о Меропии у Феопомпа и Гиперборее у Гекатея Абдерского, которые, скорее всего, предшествовали литературному плаванию Эвгемера.

⁶ Арриан, 43.3.

навигационных навыков, а когда в римскую эпоху появились все необходимые составляющие, в этом уже не было “экономической” необходимости: торговцы доставляли все необходимые товары, используя максимально прямые рейсы, а пробелы в географических знаниях довольно быстро заполнялись и без столь рискованных предприятий, как плавание вокруг Аравии»⁷ (пер. М.Д. Бухарина).

Но состоялось ли это плавание, явно выступавшее антитезой посланной Александром в Эритрейское море экспедиции под командованием Неарха, или на самом деле оно оказалось всего лишь фабульным приемом, плодом богатой литературной фантазии, чистейшим вымыслом, как и многое другое у Эвгемера? Своеобразной литературно-политической утопией, каковой были описание Атлантиды в «Критии» Платона, отступление о Меропии у Феопомпа и «О гиперборейцах» Гекатея Абдерского. И каковой был, но уже вполне материально, город у основания третьего «пальца» Халкидиков. Там, где Ксеркс прорыл канал, чтобы избежать потери флота в шторм, – участии, постигшей Мардония десятком лет раньше его.

Сказать об этом с уверенностью нельзя.

Перечисленный ряд при желании можно продолжить исократовским «Бусирисом». Атлантида, Меропия и Гиперборея времен их авторов с точки зрения практического опыта не были знакомы грекам и в их сознании оставались некоей литературной фикцией, простой попыткой сочинить «новую мифологию». Египет при всей его отдаленности от Балкан был реальной, хоть и труднодоступной и во многом загадочной страной. Кажется, именно Исократ наметил составляющие того «штампа», который был в ходу у александрийских мифографов первой половины III столетия до нашей эры. Египет, описание которого у автора, главы риторической школы в Афинах, мыслилось всего лишь образцом эпидейктической техники и никак не соотносилось с реальной историей, мало отличался от земель, рожденных воображением Платона, Феопомпа и Гекатея. Бусирис существовал как персонаж древнегреческой мифологии, символ враждебности египтян к чужеземцам и возможный эпоним схожего по названию древнеегипетского города. Города, известного, как, кстати, и Абидос, если к нему имел отношение упоминаемый нами Палефат, в качестве древнейшего центра почитания бога плодородия Осириса – еще одно возможное совпадение. Но Бусириса не знала древнеегипетская мифология! Города, которым греки приписывали его имя, прозывались автохтонами иначе. Например, тот, который стоял на левом берегу Дамьетского (Себеннитского) рукава Нила, – Джеду, или Джед,

⁷ Бухарин 2007, 10–11.

то есть Пер Усер Неб Джеду (Pr-Wsr-nb-Ddw), «дом Осириса, господина Джеду», от имени колонны с четырьмя поперечинами вверху, символизировавшей позвоночник Осириса!

К числу учеников Исократу принадлежали Феопомп (с его «Удивительными историями» и особенно Меропией) и Эфор (с собранием различных диковин в 15 книгах), которых мы, хоть и вскользь, упомянем ниже.

Итак, Исократ задал для Эвгемера и сочинителей его направления следующие ориентиры: а) Египет как географию, в которой разворачивается действие либо местопологаются прототипы общественных институтов, приспособляемых эвгемериками под свои нужды, а в конечном счете – как отправную точку в развитии фабулы или ведущей концепции сочинения; б) цивилизаторскую миссию исторического божества – культурного героя, заслугами вознесенного на верхний ярус, где обитают сакральные персонажи; в) рационалистическое истолкование устоявшихся мифологем; г) крайнюю удаленность места действия, а лучше фиктивность и олитературенность «новой географии» или «новой мифологии».

Развитие обозначенных линий в духе эвгемеризма пришлось на конец IV – начало III столетия до нашей эры. Связующим звеном выступил Гекатей Абдерский с его «Египтиакой» – трудом, который пользовался в древности непререкаемым авторитетом настолько, что стал, – и это практически утвердившаяся в научной среде точка зрения, – основным подспорьем для Диодора Сицилийского при составлении им первой книги «Исторической библиотеки». Диодор даже ссылается на Гекатея⁸, когда рассказывает о фиванской (разумеется, египетской локализации) династии. Это не единственное упоминание историка-абдерита в «Исторической библиотеке», есть еще II, 47,1, но там речь идет как раз о Гиперборее.

Именно у Гекатея, как раньше у его старшего соименника-милетянина, нам встречаются элементы объяснительного толкования некоторых мифологических сюжетов в рациональном ключе. Стоит ли нам безоговорочно зачислять его в эвгемерический мейнстрим? Он был настоящим и, как кажется, относительно серьезным историком со своим именем и биографией. Расширение эллинской ойкумены на восток не успело найти своих следствий в его трудах, чуждых развлекательности (подчас самодовлеющей и чаще всего фантастической) и упора на описания заморской экзотики. В отличие от Эвгемера сотоварищи.

⁸ Диодор, I, 46, 8.

Идея выводить происхождение богов из факта прижизненного либо посмертного апофеоза вполне земных людей, по преимуществу царей или героев, не нова. «Люди как боги» старше Гекатея Абдерского. И иной раз даже Исократ. Начать можно хотя бы с софиста Продика Кеосского – а это целое столетие вспять. Или даже раньше – с колофонца Ксенофана. Сходные идеи после Исократа вынашивал его ученик, вполне почтенный историк Эфор из Кимы.

Феномен, так ярко проявившийся на стыке четвертого и третьего столетий до нашей эры, – а именно рационалистический взгляд на происхождение и природу богов – стали называть по имени Эвгемера, хотя тот, как представляется, не был пионером в своем жанре и не превосходил остальных, пожалуй, ни в одном отношении. По всему, помимо Гекатея, Эвгемеру хронологически предшествовал Леон из Пеллы, который, возможно, «опередил» тут и самого Гекатея. По красочности фантазии Эвгемер явно уступал Палефату. Самыми талантливыми из членов этого воображаемого сообщества по интересам были, как можно судить, Дионисий Скитобрахион, владевший разными стилями и достаточно изощренной техникой письма, и Ямбул. Последнего высоко ценил Лукиан⁹, вкусу и эстетическому чутью которого можно доверять. Томас Мор и Томмазо Компанелла, – вслед за Аристиком (но, разумеется, иным образом), если гелиополиты последнего не случайное совпадение, – испытали на себе влияние Ямбула. У него единственного повествование об Островах Солнца имело внешние признаки чисто солярной утопии. Эвгемер вообще мог остаться безвестным, быть погребенным под толщей времен, даже несмотря на римский перевод Квинта Энния, сделанный во II веке до нашей эры.¹⁰ Однако в его нынешнем статусе для нас нет противоречия. Виновата простая эвфония. «Эвгемеризм» звучит лучше «продикизма», «гекатизма», «леонизма», а тем более «палефатизма» или «скитобрахионизма». Сказался и обострившийся в IV веке нашей эры конфликт христианства с язычеством. Сочинения Эвгемера, Леона и других эвгемериков христианам пришлось как нельзя кстати. Они давали веские основания критиковать и обесценивать языческое многобожие в пользу

⁹ «Ямбул также написал много удивительного о живущих в великом море: всем было известно, что все это – созданный вымысел, но, тем не менее, выдумка его была не без приятности» (Лукиан I, 3, пер. К.В. Тревер).

¹⁰ De Angelis, Garstad 2006, 214. Эти авторы находят существенным южно-итальянское происхождение Энния и его особенно теплые чувства к землякам. Помимо Эвгемера, Энний переводил Архестрата из Гелы и Эпихарма, «сицилийскость» которых не вызывает сомнений. Правда, второй родился на Косе (по еще одной версии – на Самосе), но это не помешало ему провести всю сознательную жизнь на Сицилии.

проповеди единого бога, сущего во Христе. Показательно, что из 15 сохранившихся до нашего времени фрагментов из сочинений Леона из Пеллы, среди которых присутствует, казалось бы, совсем беспримечательный бестселлер – фиктивное письмо Александра Македонского своей матери Олимпиаде, и содержатся в извлечениях из христианских авторов. А Лактанций даже, переписывая в своем «*De ira Dei*»¹¹ список безбожников (по отношению к языческим богам, разумеется) из «*De natura deorum*» Цицерона¹², вычеркнул из него Эвгемера.

Эвгемеру повезло еще и в том отношении, что близкие к нему взгляды, рассматривая мифологию как своего рода историческое прошлое, имел и пропагандировал в своей «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский. Собственно, по сохранившимся у Диодора упоминаниям сочинений Эвгемера, а также Ямбула¹³ и Дионисия Скитобрахиона мы и можем судить об античном эвгемеризме. При этом закладываясь на то обстоятельство, что Диодор фактически не цитировал, а именно пересказывал. Нам поневоле дано воспринимать их через личность пересказчика, через его подачу или интерпретацию.

Вообще фигуру Леона из Пеллы, предшественника Эвгемера, тоже весьма примечательную личность, трактовавшего о человеческом происхождении египетских богов, трудно обойти молчанием. Его можно присовокупить к трем названным авторам, которые – добровольно либо вынужденно – лишились своей подлинной биографии. Как, кстати, и Палефата с его псевдорационалистическими объяснениями мифов и трактатом «Египетская теология». Оба последних в отличие от названных ранее не прибегали к жанру романов-путешествий, записок героев или очевидцев дальних странствий. Как раз Леона и Палефата, их имена и выдержки из их псевдопериплов или фиктивных перизегесисов – по совпадению или нет – в имеющихся у нас фрагментах «Исторической библиотеки» мы не находим.¹⁴ То, что, например, Египту была посвящена целиком первая книга, а другие должны были повествовать об иной географии, не должно нас смущать. Диодор достаточно легко допускал перебивки и возвращения к уже, казалось бы, подробно затронутым темам и сюжетам. Крит и Сицилия у него кочуют из книги в книгу без какого-

¹¹ Лактанций, IX, 1–7.

¹² Цицерон, XLII.

¹³ Диодор, II, 55–60.

¹⁴ Что однако не означает, что их вовсе не было – например, в шестой книге, сохранившейся лишь частично. Шестая книга завершала мифологическую часть труда Диодора и подготавливала переход к обзору уже вполне исторической традиции.

либо установленного и заранее обговоренного порядка. Сюжеты повторяются и дублируются – тот же Эвгемер присутствует как в пятой, так и в шестой книге (описание собственно Панхайи и указание на самого автора «Священной надписи» соответственно). Ну и т.д. – любой исследователь добавит еще десятки примеров несообразностей в построении и композиции труда Диодора.

Подробный анализ и сопоставление сочинений – преимущественно «государственных романов», как поименовал их Р. фон Пёльман, – названных авторов лежит далеко за пределами поставленной нами задачи. Но мы не можем не отметить некоторые странности. Странности, которые при ином ракурсе взгляда на них вполне могут подталкивать к размышлениям и перетолкованиям.

Ни об одном из них мы не знаем ничего конкретного. Указания на места их рождения и любые возможные датировки легко подвергаются сомнению и могут быть оспорены. Даже нахождение Эвгемера при дворе Кассандра, которое нам, например, представляется чистой фикцией. Но представляется на уровне ощущений – ибо упоминание Эвгемером своей службы у Кассандра слишком похоже на вспомогательный оформительский ход, создающий нарочитый обстоятельный контекст.¹⁵

Против такого предположения есть серьезные возражения. Сочинение Эвгемера, буде оно создавалось по заказу или с оглядкой на Кассандра, должно было быть более «монархическим», чем есть на самом деле. Жители Панары – «единственные обитатели Панхайи, живущие по законам, которые они сами себе создают», – по той простой причине, что «не имеют над собой царя». Остальные «имеют», но его прерогативы исчерпываются лишь выбором лучших участков земли и получением десятой части произрастающих плодов. Ну и номинальными представительскими функциями, наверное. Впрочем, не будем забывать, что нам достались лишь незначительные по объему фрагменты – даже не текста Эвгемера, а его изложения Диодором. Подтвердить наши ощущения документально мы, разумеется, не в состоянии. Как, к сожалению, скорее всего, и никто другой. В любом случае, свидетельство со стороны имело бы для нас больший вес, чем урезанная самим автором трактата до самых минимальных пределов автобиография.

¹⁵ Мы не одиноки в своих сомнениях. С ними мы попадаем в авторитетную компанию специалистов по Эвгемеру – например, Winiarczyk 2002, 1–2 и Holzberg 1996, 626.

Все они, кажется, не чуждались псевдонимов-никнеймов либо даже раздробления оных на несколько. Эвгемер – совершенно явный псевдоним.¹⁶

Палефат видится фигурой собирательной и состоял, если верить Суде, из четырех ипостасей. Не меньше их было у Дионисия Скитобрахиона, причем одной являлся даже жрец храма Гелиоса – «Киклограф» Дионисий Самосский.

Возможно, и Ямбул – не настоящее имя автора «Островов Солнца». Существуют догадки, будто его необычное для греческого слуха имя (скорее всего, семитское) объясняется тем, что он принадлежал к набатеям. Хотя сам Ямбул именуется у Диодора греком и в конце стремится вернуться в Грецию. Ибо Ямбул, как говорится в завязке его повествования, изначально отправлялся за ароматофорами – благовониями и специями. Именно набатеи держали в своих руках караванные тропы в Аравии. Но тогда в его описании Эритрейского моря должно было присутствовать больше конкретных подробностей. Набатеи ходили «дорогой благовоний» в Аравию через пустыню Негев, в которой до настоящих времен сохранились их «станции» – Мамшит, Авдат, Халуцца, Ниццана и т.д. Причем дорога вела через Хегру, если она уже существовала, на самый юг Аравийского полуострова – туда, где сейчас находится порт Аден, напротив которого лежит Сокотра – как считается, одна из самых вероятных локализаций Панхайи. Каны на западной оконечности полуострова тогда еще как порта, кажется, не существовало. Хотя вот описание Страбоном в шестнадцатой книге его «Географии» общественной системы набатеев видится вполне архетипическим для ямбуловского рассказа о гелионеситах – возможном аналоге тех самых «солнцебаранов» Алексарха: «Царь держится настолько близко к народу, что не только обходится без слуг, но даже сам иногда в свою очередь оказывает ответную услугу. Нередко он отдает отчет в народном собрании, а иногда там подвергают рассмотрению и самый образ его жизни. Жилища набатеев стоят дорого, так как построены из камня. Города у них, оттого что они живут в мире, не обнесены стенами. Большая часть страны богата плодами, кроме маслины; вместо оливкового масла у них в ходу масло из сесама. Овцы там белорунные, быки большой ве-

¹⁶ «А если вспомнить и неясность происхождения Эвгемера, и крайнюю необычность его имени в ономастическом плане, нельзя удержаться от искушения увидеть в этом имени значащий псевдоним (неважно, Скитобрахиона или другого мистификатора), образованный от ключевого слова теории. Взятое как прилагательное, слово εὐγεμερός как нельзя лучше характеризует жизнь на Панхее – чистый, идеальный результат божественного действия» (Торшилов 1999, 101). Перевод имени Эвгемера – «счастливый», «процветающий», «благоденствующий».

личины, но в стране нет лошадей, работу которых выполняют верблюды. Жители ходят без хитонов, подвязав вокруг бедер передники, и в сандалиях – даже сами цари, которые облакаются в пурпур. Некоторые товары совершенно свободно ввозятся к ним из других стран, а других не ввозят совсем, в особенности, если они местного производства, как например золото, серебро и большинство благовонных продуктов. Напротив, медь, железо, а также пурпурные одежды, стиракс, шафран, белая корица, чеканные изделия, картины, статуи не производятся на месте» (IV. 26, пер. Г.А. Стратановского).

Зато Леон из Пеллы (так именовал его, например, Арнобий), он же Леон Египетский (версия Тертуллиана), по утверждению Августина, принадлежал к египетским жрецам самого высокого ранга. Естественно, и он, как и остальные, так или иначе был связан с Египтом. Эвгемера мы в это ряд не зачисляем только формально – в передаче Диодора и Евсевия отрывков из «Священной надписи» название Египта отсутствует, хотя описываемая Эвгемером модель общественного устройства Панхайи – кастовая система при главенствующем положении жреческого сословия и коллективное хозяйство – очень напоминает древнеегипетскую (так полагают М. Ростовцев, М. Финли и другие). На египетский обелиск-стелу весьма походит золотая колонна в панхайском храме Зевса Трифилийского: «У середины ложа возвышается огромная золотая колонна, на которой начертаны письма, называемые у египтян священными, которые повествуют о деяниях Урана и Зевса, а затем добавленное Гермесом повествование об Артемиде и Аполлоне»¹⁷ (пер. О.П. Цыбенко). Зевс по внешней видимости вполне отождествляется с Амоном. Да в конце концов обожествление фараонов в Древнем Египте – первый с краю архетип, аналогия для эвгемеровских построений.

Менее явно прослеживается отношение к Египту Ямбула. Еще более сложный вопрос – даты жизни автора и появления его романа. Некоторые исследователи проблемы устанавливали *terminus ante quem* для «Островов Солнца», сообразуясь с датировкой восстания Аристоника (133–129 гг. до н.э.) в Пергаме. Связь между гелионеситами Ямбула и гелиополитами Аристоника (а скорее Гая Блоссия) не кажется невероятной. И, например, Роберту фон Пельману, как затем Андре Боннару и другим, хочется домыслить ее: «Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ Геліополитъ и геліополитовъ въ конкретномъ видѣ въ одномъ изъ распространеннѣйшихъ романовъ данной эпохи. Не стоять ли эти явленія въ утопической литературѣ въ какой-либо связи съ тѣмъ идеаломъ солнечнаго государства, который проповѣдывалъ массамъ потомокъ пергамскихъ царей? Въдь, во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что

¹⁷ Диодор, V, 46, 5.

попытка установить общественный строй на новых основаниях вызвала живой интерес в известных симпатизировавших социальной реформе литературных кругах. Стоикъ Блоссий изъ Кимъ¹⁸, принимавший немаловажное участие в социально-политических стремлениях Тиберия Гракха, отправился послѣ его гибели къ Аристонику. Очевидно, онъ сдѣлалъ это не только для того, чтобы найти вѣрное убѣжище отъ своихъ плутократическихъ враговъ въ Римѣ, но и въ силу внутреннихъ мотивовъ, интересуясь идеей общественной реформы, къ которой стремился даръ бѣдныхъ!»¹⁹

Пѣльман и Боннар не одиноки в своей точке зрения. Ее разделяли и разделяют и другие вполне серьезные специалисты. В частности, Джон Фергюсон в своей книге «Утопии классического мира».²⁰ Но в той же мере связь эта не выглядит бесспорной. Никаких содержательных аналогий с романом Ямбула царствование Эвмена III – Аристоники нам не дает, кроме заимствования «Солнца» для своих лозунгов. Либо они нам не известны. Более того, устройство общественного управления на ямбуловском острове – а оно скорее синокического типа – фактически отрицает монархию, что вряд ли пришлось бы по душе Аристонику с его претензиями на продолжение собой пергамской царской династии; жители живут общинами по 400 человек и подчиняются своему старейшине, властные полномочия которого не наследственны. Мыслился ли Аристонику гипотетический Гелиополис воплощением ямбуловской солярной утопии – большой вопрос, положительный ответ на который неочевиден. Но даже если прав Пѣльман, это не доказывает ничего. Ямбул мог жить и написать свои «Острова» гораздо раньше, просто Аристонику (или Гаю Блоссию) они подвернулись в их время. Даже стоицизм «эллинского прототипа Маркса», как его называл Арнольд Тойнби²¹, Гая Блоссия – крайне косвенный и явно недостаточный довод.

Другой аргумент в пользу отнесения даты ямбуловского «перипла» к середине второго столетия до н.э. появляется в результате анализа заключительной части сообщения Диодора о плавании Ямбула: «Ямбул вышел к одной деревне, жители которой привели его к царю в Палибоэру, город находившийся в нескольких днях пути от моря. И этот царь, любящий греков

¹⁸ Ошибка – по всей видимости, здесь должны стоять Кумы; вероятная причина, как можно предполагать, кроется в смешении Кум с эолийскими Кимами, или Кимой (родиной Гесиода и Эфора) напротив острова Лесбос (ныне заброшенное и полузатопленное городище в заливе не так далеко от города Алиаги), где в самом начале восстания Аристонику потерпел поражение в морской битве.

¹⁹ Пѣльман 1910, 492 .

²⁰ Ferguson 1975, 144.

²¹ Toynbee, A. J. (1939) *A Study of History*. Vol. 4. L., p. 180, цит. по: Чернышов 1999, 214–223.

и образование, оказал ему радушный приём. Тогда, наконец, получив разрешение на безопасное прохождение, он прошёл сначала в Персию, а затем благополучно прибыл в Грецию»²² (пер. Д.В. Мещанского). Этот момент и вызывает возражение критиков: «Надо отметить, что до середины II в. путешествующим из Индии на родину грекам не нужно было “спасаться” из Персии, входившей в состав державы Селевкидов и завоеванной царем Парфии Митридатом в период между 170–138/37 гг.».²³

Достаточно взглянуть на карту Индии и увидеть, что Палиботра (она же Патали-путра), нынешняя Патна в индийском штате Бихар, административным центром которого она является, отстоит примерно на семь сотен километров от Бенгальского залива. На этом участке Ганг принимает справа несколько довольно крупных полноводных рек, которые не так просто форсировать, – Пунпан, Фолг, Джхена Нади, Мохане, Харохар, Киул. И это у Ямбула «город, находившийся в нескольких днях пути от моря»? Можно ли принимать на полную и безоглядную веру рассказ Ямбула о том, как за несколько дней доброхоты-жители прибрежной деревеньки «привели его к царю в Палибоэру»?

А если описываемые события происходили (если, конечно, вообще происходили) в конце IV века, когда Селевк только расширял свои владения, и территории до Палиботры – полностью или частично – не контролировал? Да даже после заключения Селевком с Сандрокоттом (Чандрагуптой) и обмена им земель за Индом на 500 слонов безопасное путешествие чужеземца из Палиботры посуху было маловероятно. Мегасфен, который навещался к Сандрокотту, имел посольский статус от Селевка (и, кстати, резидентствовал именно в Палиботре), ограждавший его от нежелательных обстоятельств. Набатая же тогда контролировалась Птолемеем, а отношения Селевка и Птолемея знавали времена охлаждения и даже союза фактически друг против друга (например, после женитьбы Селевка на дочери Деметрия Полиоркета Стратонике в 300 году и сближения с ее отцом в пику союзу Лисимаха с Птолемеем). Мог ли человек с подконтрольных Птолемию территорий беспрепятственно, без сопровождения или даже конвоирования, добраться из Палиботры до своей земли через весь индийский субконтинент, а затем и владения Селевка – утвердительно на этот вопрос ответить трудно.

Кроме того, в середине II столетия до нашей эры побережье Красного моря и Персидского залива не представляло для греков ту *terra incognita*, ка-

²² Диодор, II, 60, 2.

²³ Гуторов 1989, 235.

ковой оно было во времена диадохов и первых эпигонов. Не станем утверждать, что к тому времени освоение окраинных земель зашло очень далеко, но вряд ли должную занимательность повествования тогда могли обеспечивать выдумки про людей с раздвоенными языками и закрывающими перепонками-клапанами в ушах и четырехглазых двухротых, но одножелудочных черепах. Потребность и моду на небылицы вызвали походы Александра. Пик красочных измышлений невиданных диковин в экзотических землях пришелся на времена даже не Скилака (либо его тезки с приставкой «Псевдо-»), Ктесия или Неарха, которые все-таки были одиночным эксцессом каждый, а уже Мегасфена, Деимаха, Дуриса, Палефата, Эвгемера, Дионисия Скитобрахиона и остальных. В помещении Ямбула в эту хронологию больше содержательной логики.

Да и вообще - насколько оправданно предъявлять к фактически беллетристике, полной условных подробностей, каковой по большому счету был роман Ямбула, этого, по выражению Р. фон Пёльмана, «социально-экономического Жюль Верна»²⁴, требования научной добросовестности и фактографической безупречности?

Относительно Дионисия Скитобрахиона у исследователей также нет единого мнения: «Традиционная датировка времени жизни Скитобрахиона была основана на свидетельстве Светония,²⁵ получалось, Скитобрахион жил во второй половине II века. Благодаря папирусу,²⁶ еще неизвестному во время работы Якоби, датируемому по археологическим и палеографическим данным 250–220 гг. до н.э. и содержащему восходящее к Скитобрахиону толкование огнедышащих быков Ээта как стражников из племени тавров, а также упоминание о пребывании Геракла вместе с аргонавтами в Колхиде (о чем тоже говорилось у Скитобрахиона), Дж. Растен определяет *terminus ante quem* для сочинений Дионисия. *Terminus post quem* он ищет, сопоставляя брак Василии и ее брата Гипериона в книге Дионисия с установлением в птолемеевском Египте культа Богов-Адельфов около 270 года. Тогда время жизни Скитобрахиона перемещается в первую половину III века, и Светоний

²⁴ Пёльман идет дальше и называет рассказ Ямбула «описанием путешествия в стиле Симбада-мореплавателя» (Пёльман 1910, 321).

²⁵ M. Antonius Gniphon ... institutusque Alexandriae quidem, ut aliqui tradunt, in contubernio Dionysii Scytobrachionis; quod equidem non temere crediderim, cum temporum ratio vix congruat; («Марк Антоний Гнифон... учившийся также в Александрии, как сообщают некоторые, где был приятелем Дионисия Скитобрахиона, чему я, поразмыслив, поверил бы, хотя расчет времени едва сходится», De Gramm. 7.

²⁶ Pap. Hibeh 2, 186, col. 1, l. 8 sqq.

был более прав, когда сомневался в знакомстве с ним Гнифона, чем когда все-таки соглашался с его возможностью».²⁷

Таким образом, получается, что исключать Ямбула и Дионисия Скитобрахиона из числа александрийских номинантов в эвгемерики будет преждевременно и неправильно. Для этого у нас нет серьезных оснований.

А что полуполюгендарный Палефат, автор историй Кипра, Делоса, Аттики (!), Аравии и, возможно, Трои? А также «Египетской теологии» и знаменитого трактата «О необычайном» («περὶ ἀπίστῶν»), где многие мифологические сюжеты он интерпретировал в рационалистическом, иногда аллегорическом ключе? Личность мифическая, псевдоним, за которым прятался эстет и эрудит, склонный к мистификациям и розыгрышам?

Мы уже упоминали, что в Суде содержатся сведения о четырех Палефатах²⁸, которые помещались как в четвёртом, так и в третьем столетиях до н.э. Такое многообразие Палефатов само по себе удивительно в силу необычности и сугубой редкости такого имени²⁹, более смахивающего на псевдоним. Причем один из них назывался афинянином и был эпическим поэтом, другой жителем Египта (или Афин) и грамматиком, а двум остальным приписывалось геллеспонтское (Абидос) или около (Приена) происхождение. Каждый из этих Палефатов объявлялся автором книги о необычайных редкостях³⁰, что позволяет предполагать ипостась нашего составной из четырех. Абидосский Палефат, согласно Суде, числился в друзьях у Аристотеля. Александрийский ритор Элий Теон в своих «Progymnasmata» называл его перипатетиком, что звучит логично. Тогда, если началом приятельства Стагирита с Палефатом предположить Атарней, недалёкий от Абидоса, хоть и через Геллеспонт, то последний теоретически мог последовать за первым в Афины и стать таким образом «афинянином». Он же мог перекалфицироваться в «египтянина», если очень близко сдружился в Ликее с Деметрием Фалерским и составил ему компанию в Александрию.

На самом деле египтянином этот коллективный собирательный Палефат мог быть просто по месту своего рождения. Ибо малоазиатский Абидос в самом узком месте Геллеспонта, где в 480 году до н.э. Ксеркс переправлялся в

²⁷ Торшилов 1999, 103–104. Цитируемый автор совершенно очевидно основывался на 4 главе (Dionysius' Date) из книги Джеффри Растена (Jeffrey S. Rusten (1982) *Dionysius Scytobrachion*, 85–92).

²⁸ Суда, pi, 69–72 Adler.

²⁹ Πάλας обычно относилось к географическим названиям, обозначая «старость» носителя имени.

³⁰ Разнится только число томов. Их было или пять, или всего один, в котором можно предполагать эпитому.

Европу по мосту из кораблей, имел полного тезку в Среднем Египте – давний религиозный центр, место почитания Осириса, голова которого, по местным преданиям, была захоронена здесь. Одной из половин Сераписа – синкретического эллинистического божества, в изобретении которого Деметрий Фалерский принимал самое деятельное участие (а, попросту говоря, с большой вероятностью был его инициатором) являлся именно Осирис.

Однако египетское происхождение нашего Палефата все-таки крайне маловероятно. Старой греческой колонии (апойкии? катойкии?) или хотя бы купеческой фактории до середины четвертого века, когда Палефат нашего непроверенного допущения должен был появиться на свет, так далеко на юг от побережья и основных торговых путей мы не знаем.

Следующий объединяющий признак? Дионисий и Палефат также не прошли мимо троянского цикла (подобных сведений относительно Леона у нас попросту нет). Держал ли Эвгемер в голове гомеровские Схерию и Сиру, когда писал свою «Священную надпись» или это совпадение, мы лишены точного знания. «Две книги Скитобрахиона пересказывает Диодор; это “Поход Диониса и Афины” (название сообщает Суда) и “Аргонавтика”. Существование третьей, о Троянской войне, известной из Суды, подтверждается схолиями к “Илиаде”, из которых следует, что Скитобрахион не только комментировал, но и интерполировал Гомера». «Поход Диониса и Афины» автор объявлял пересказом «Фригийской поэмы» Фимета, сына Фимета, сына Лаомедонта, современника Троянской войны». ³¹ «Современник» – не совсем точное слово. Скорее даже персонаж, ибо, по Вергилию, именно он из ненависти к своему брату Приаму предложил ввести коня в Трою. ³²

А Палефат сверх того отметился еще и «Арабикой», составив тут компанию Эвгемеру и Ямбулу, персонажи которых доплывали до неких островов Эритрейского моря.

Островной антураж воплощался (вслед за Гомером и тем же Гекатеем) Эвгемером, Дионисием и Ямбулом.

И практически все не обошлось без измышления и описания необычной флоры и фауны экзотических местностей, потрафляя резко возросшему после походов македонского войска в Азию широкому обывательскому интересу к дотоле неведомой географии. На эту потребность в, говоря словами Р. фон Пельмана, «этнографической романтике», первыми откликнулись Ктесий Книдский, Мегасфен, Онесикрит, Клеарх из Сол и даже Дурис Самосский, в отличие от предыдущих историков нигде на самом деле не побывавший.

³¹ Торшилов 1999, 104 и 105 соответственно.

³² Вергилий, *Энеида* II, 32–34.

Были ли сочинения Эвгемера, Скитобрахиона и Ямбула, отрывки из которых донесены до нас Диодором Сицилийским, утопиями – такими, из которых носитель идеи переустройства и усовершенствования государственного и общественного механизма, мог почерпнуть что-то для себя? По формальным признакам – безусловно. Они были литературными утопиями. «Утопии глубоко присущи человеческой природе, она не может даже обойтись без них. Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни. <...> Совсем не неосуществимость и видение грядущей гармонии является главным бесспорным свойством утопии. Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность».³³

Но утопичность повествований Эвгемера, Скитобрахиона и Ямбула – только третий или четвертый слой. Так считает, например, Д.О. Торшилов:

«Ни социальный строй Панхеи, ни обожествление монарха не являются сутью эвгемеризма самого по себе: царская власть для эвгемеристического божества лишь средство, помогающее ему осуществить свою миссию – принести вселенной цивилизацию и порядок... Перемена, совершаемая эвгемеристическим божеством, есть переход от дикости – к культуре, от случайного собирательства – к земледелию, от нечестия и беззакония – к закону и благочестию, т. е., в конечном счете, от социального хаоса к социальному космосу (образцом которого является утопический строй Панхеи), так же, как природный хаос упорядочивается традиционным богом в космогоническом процессе».³⁴

С другой стороны, можно усматривать в «Священной надписи» Эвгемера еще и некое подобие сатирического памфлета.

Мы отталкиваемся от пассажа в аристофановских «Птицах» (144–145): «Но ведь есть ...Счастливый город на Эритрейском море». Комедии, едко высмеивающей расхожие штампы тогдашней утопической мысли, не исключая, кстати, и Гипподама Милетского, который этого меньше всего заслуживал. Читающая публика, разумеется, угадывала адрес довольно быстро. Брошенная Удодом в диалоге с Эвельпидом вскользь фраза ввела в «Священную надпись» Эритрейское море:

Удод

В каком же поселиться хочешь городе?

³³ Бердяев 1951, 158.

³⁴ Торшилов 1999, 99–100.

Эвельпид

В таком хочу, где нет забот насущнее,
 Чем эта вот – придет приятель утречком
 И скажет: «Ради Зевса Олимпийского
 Прошу тебя с детьми ко мне пожаловать
 Из бани прямо. Пир сегодня свадебный.
 Смотри же приходи! А не придешь – так знай:
 В свой черный день тебя не позову к себе»...

Удод

...

Но, впрочем, город есть на вкус на этакий
 На Красном море.

Эвельпид

Нет, нет, нет, не надо нам
 Приморских городов. А то у берега
 Опять увидим судно «Саламинию».
 Не можешь ли назвать нам город греческий?³⁵

Однако не это могло выглядеть самым существенным для греков того времени. «Второе дно» имела и собственно «священная история» (так иногда переводили «Священную надпись») Эвгемера. Обратим внимание на такие пассажи у Эвгемера как «когда Уран был царем обитаемой земли, он любил проводить время в этом месте...»³⁶ (пер. О.П. Цыбенко) и про Зевса – «когда он был среди людей и царствовал над всей ойкуменой».³⁷ Культурный герой у Эвгемера, за свои заслуги удостоившийся вознестись на Олимп Трифилийский, – это царь.

Прижизненный или посмертный апофеоз во времена Эвгемера – это еще не первые Птолемеи, но уже Александр, как говорят, ненавидимый Кассандром всеми фибрами души, и Деметрий Полиоркет с Антигоном Монофталмом, главные непосредственные противники македонского царя в тот период. Да, собственно, и Филипп, поставивший на свадебном пиру в Эгах рядом со статуями двенадцати олимпийских богов свою. Антипатриды стали царствующей династией в промежуток с 306 по 304 года до н.э. – менее расплывчатого ориентира история нам не оставила. Естественно, главной мишенью памфлета Эвгемера вряд ли мог быть Никагор из Зелеи, вообразивший

³⁵ Аристофан, *Птицы* 144–145. С.К. Апт перевел «Эритрейское» как «Красное», осовременив название моря для понимания нынешними читателями.

³⁶ Диодор, V, 44, 5.

³⁷ Там же, V, 46, 3.

себя Гермесом и рядившийся в его платья – эпизод из четвертой главы «Увещевания к язычникам» Климента Александрийского. И не персонаж Плутарха – сиракузец Менекрат, врач времен Филиппа, подписывавший свои рецепты именем Менекрата-Зевса. Заказчиком Эвгемера, если верить ему самому (в передаче Диодора), мог быть самодержец Македонии. Можно дать еще больше свободы фантазии – как и Леона из Пеллы, сочинившего переписку Александра с Олимпиадой.

Кажется, Эвгемер все-таки позволил себе и язвительный полунамека на Алексарха – деталью про возвышающийся на острове холм с названием Трон Урана. У Алексарха в Уранополисе присутствовали и Уран, и возвышение ландшафта. Впрочем, это могло быть простым совпадением – возвышалась же гора Ураний неподалеку от Карфагена. Но деификация человека, которая для Эвгемера и остальных являлась только предметом занятого риторического упражнения или даже в какой-то мере философской умозрительной конструкцией, именно для Алексарха в Уранополисе стала императивом.

Философы, писатели, да и другие субъекты интеллектуального труда редко когда возникают из «безвоздушного» пространства. Быть одиночками – не самое органичное и желательное состояние для них. Нужны поводы, темы и площадка для изложения своей точки зрения, идей, концепций, для обмена мнениями, полемики, наконец. В те времена, когда не было Интернета и поточного книгопечатания, сношения профессионалов с себе подобными были затруднены. Разделенные расстояниями и невозможностью общения, они были вынуждены вариться в ограниченном круге тем. Разумеется, если их не объединяли под одним крылом те или иные школы, если не сближала одна или примерно одна география. Вот почему нам не сложно допустить – не предположить, для этого у нас нет даже минимальной доказательной базы, только неявные ассоциации, – что Эвгемера, Леона из Пеллы, Палефата, Дионисия Скитобрахиона и Ямбула разделяла не пропасть миль и лет.

Да даже и Гекатея. Не забудем также, что его авторству принадлежит и труд «О поэзии Гомера и Гесиода». Он до наших времен не дошел, и нам остается только гадать, делался ли в нем упор на выявление того, что сейчас мы назвали бы утопическими мотивами, или же Гекатея в творчестве столпов древней эпической поэзии интересовало совсем другое. Суда называл его также грамматиком. Если правда то, что он принимал участие в походе Александра до пределов Сирии, то мог обсуждать Гомера со своим земляком Анаксикратом, которому приписывалось наставничество над учителем Гекатея

Пирроном, и Каллисфеном, которые тоже, как известно, занимались творчеством «великого слепого».³⁸

Существует мнение, что Гекатей остаток своих дней, примерно до 290 года (когда Деметрий Фалерский уже обоснулся в Египте), провел в Александрии у Птолемея. Сочинение Эвгемера появилось около 280 года до н.э. – так по крайней мере полагает Якоби и некоторые другие исследователи, исходя из упоминания его имени Каллимахом (Callim. F 191, 10–11 Pfeiffer). Причем появилось в Александрии.³⁹ Скитобрахион, похоже, работал именно в Александрии. Не исключено, что и Палефат также не миновал на своем жизненном пути Александрию. Что касается Леона из Пеллы, то тут вообще сомнений гораздо меньше.

Но и это не все. Каллимах упоминал и некоего Амомета, тоже называемого грамматиком, как и Гекатей, и тоже александрийца. Встречается имя Амомета и у Плиния Старшего, и тоже в соседстве с Гекатеем: «У них первая река, о которой известно, – Пситарас, следующая – Камбари, третья – Ланос, затем полуостров Хрисе, залив Кирнаба, река Атианос, залив Аттакоров и народ их, от любых вредоносных ветров защищенный горными вершинами, открытыми солнцу, – они живут в таком же климате, как Гипербореи; о них отдельную книгу написал Амомет – как Гекатей о Гипербореях»⁴⁰ (перевод А.А. Вигасина). Больше о нем нам практически ничего не известно, хотя Ф. Альтхайм, например, – в отличие от К. Мюллера, ограничивавшего вклад Амомета всего лишь аттакорами, считал его основным (но через Варрона) источником Плиния по северо-восточной части Ойкумены. За ним числился и некий нильский «перипл». Но, разумеется, наше внимание приковано к тому обстоятельству, что Амомета с его аттакорами Плиний сближает по жанровой принадлежности его сочинения с Гекатеем и гиперборейцами. Опять «этнографическая романтика»? Фигура Амомета – загадка. И имя нехарактерное. Возможно, киренское. А, возможно, это такой же псевдоним, каким являлись Дионисий Скитобрахион, Эвгемер, Палефат и, не исключено, Ямбул.

Еще меньше известно нам о Тимокле, поселившем примерно в тот же край Ойкумены, что Амомет – аттакоров, своих офеофан, или офеофагов (Orhiosane/Ophiorhagi) – «пожирателей змей».⁴¹ Суда знает двух Тимоклов,

³⁸ Хотя оба последних, похоже, непримиримо враждовали между собой.

³⁹ Инвентаризацию всех возможных дат издания «Ἰερὰ Ἀναγραφή» можно найти в Winiarczyk 2013, 15. Не исключено, что Эвгемер вообще довольно долго находился в Александрии (Euhemerus of Messene, *Brill's New Jacoby*, 7).

⁴⁰ Плиний, VI, 20, 55.

⁴¹ О Тимокле (как, кстати, и об Амомете, Эвгемере и Ямбуле, см. Rohde 1960, 219–220.

причем оба были комическими поэтами, только один писал еще и трагедии⁴², а второй вполне довольствовался комедиями и принадлежал, как считает большинство исследователей, к Средней комедии – вопреки Поллуксу, зачислившему его в Новую. Сейчас общее мнение чаще всего сводится к тому, что речь идет не о разных поэтах. Есть еще эпиграмматист с таким же именем, предположительно III века до н.э., относимый с теми или иными основаниями к «Палатинской Антологии», но это всё, чем мы располагаем по нему.

Из сугубой добросовестности вспомним и Феодора Безбожника. Он на «новомифологическом» поприще, кажется, никак не отметился. Однако, по свидетельству Диогена Лаэртского, ему принадлежало сочинение «О богах». В какой мере его атеизм, полнота которого все-таки многими ставится под сомнение, смыкался с построениями Эвгемера сотоварищи, сказать затруднительно, однако и исключать какие-либо существенные параллели – ибо Феодор считал богов порождениями человеческих установлений – мы не можем. К тому же Феодор в интересующий нас период тоже был александрийцем!

Был ли александрийский эпицентр первоначального эвгемеризма случайным и необъяснимым совпадением обстоятельств? Могли ли поименованные только что разносторонне ученые философы и историки и даровитые литераторы, имевшие схожие интересы, развиваться отдельно и независимо друг от друга, хоть и находясь бок о бок? И мог ли с этим гипотетическим сообществом, если оно в действительности существовало, быть как-то связан Деметрий Фалерский? Неофициальный министр культуры при дворе Птолемея Сотера в Александрии, собиравший, помимо книг для Библиотеки, еще и блестящих представителей греческой научной и художественной элиты возле себя? Тонкий знаток Гомера и ценитель незаурядных личностей – вне зависимости от того, в какую школу и географию их зачисляли?

Однозначно доказательного ответа на этот вопрос у нас нет. И при текущем безгласии источников быть не может.

Но он напрашивается. Интеллектуалы из такого «кружка», если он действительно образовался в Александрии в обозреваемые нами годы, никак не страта из андерграунда. Обойтись без допуска и принадлежности к Библиотеке и Мусейону, без птолемеевских «исследовательских грантов» в той или иной форме, распорядителем которых был Деметрий Фалерский, они не могли.

Вряд ли Деметрий не мог лично знать с Гекатеем Абдерским, обласканным вниманием Птолемея Сотера и ходившим тогда же, когда и он, по тем же коридорам в Александрии, хоть и, скорее всего, реже. Можно, например,

⁴² См. Афиней, IX 407b.

даже попытаться угледеть в одном из пассажей «Застольных бесед» Плутарха о Гекатее некую связь с сумптуарными законами фалерца в Афинах⁴³, но она как бесспорное подтверждение характера их отношений между собой не особенно очевидна. Как и приведенная выше гипотеза о близком знакомстве Деметрия Фалерского с Палефатом.

Всплеску в тогдашней Александрии литературной «романтики», этнографической (по Пёльману) или любой другой – ботанической, зоологической, минералогической etc., всех этих вымышленных хорографий неизвестных земель, существовавших только в воображении их авторов, – также нетрудно найти внятные логические объяснения и помимо расширения эллинской ойкумены в результате походов Александра. Описание, систематизация и каталогизация, пусть даже касающиеся загадочных явлений природы, обычаев и особенностей социального устройства обитателей далеких земель, необычных сооружений, деяний из жизни персонажей мифов и преданий – вполне себе перипатетическое обыкновение, свойственное этой философской школе с рождения. И старательно воспроизводившееся в александрийском Мусейоне Деметрием Фалерским и Стратоном. Эта линия в «добропорядочном», нефантазийном исполнении вскоре получила вполне почтенное название – парадоксография.⁴⁴ В неё зачислялись сочинения тех же Аристотеля («История животных», «Об обычаях варваров»), пусть иногда и с приставкой «Псевдо-» («Рассказы о диковинах», «О космосе»), Феофраста («Исследование о растениях», «О металлах», «О камнях», «О запахах», «О соли, молоке и квасцах», «О воде», «Об окаменелостях», «О помрачении», «О нравах и разумении животных», «О кусающих и нападающих (животных)», «О меняющих цвет [животных]», «О различии животных по местам обитания», «Об обитающих на суше животных», «О так называемых завистливых животных» и др.) и даже отчасти Дикеарха («Жизнь Греции»).

Эвгемерики-парадоксографы Александрии, намеренно и сознательно переворачивая традиционные обыденные представления в головах читателей, просто разбавили ликейский описательный стандарт беллетристическими эффектами, пристрастием к занимательности или иногда даже чуть ли не эпатажной сенсационности.

Изложениями различных «мирабилия» грешили не только наши эвгемерики. Поветрие измышлять невиданные экзотические диковины, сочинять заведомые небылицы о дальних и недостижимых краях мира не избирало своим фокусом птолемеевскую столицу. Оно не обошло стороной Книд

⁴³ Плутарх, IV, III, 1.

⁴⁴ От греч. *παρά δόξαν* – против обычного.

(Ктесий), Самос (Дурис), Кипр (Клеарх из Сол), Сигей (Дамаст), Платею (Деимах), Хиос (Феопомп), Кимы (Эфор) и другие острова и материковые города в Греции.

И, кстати, не только в Греции, но и во Фракии тоже. Например, Бергу напротив Амфиполиса через Стримон, из которой происходил Антифан, автор книги «Ἀπίστα» («О невероятном») – свода красочных выдумок про неизвестные страны и народы, считавшийся чуть ли не основоположником жанра.

У Деметрия Фалерского в списке трудов, приводимом Диогеном Лаэртским, значится и «Об Антифане». По тому, что нам ведомо (а точнее – неведомо), этим Антифаном мог быть как афинянин (на самом деле метек, происходивший, скорее всего, с Родоса), известный автор средней комедии, так и только что упомянутый бисальтиец из Берги. Вероятности равновелики, однако в последнем случае рассматриваемая версия о сообществе эвгемериков в Александрии приобрела бы более стройные очертания. Даже несмотря на некоторый «антимонархизм» их сочинений.

Если же всё обстоит иначе, тогда александрийская «регулярная» парадоксография должна была начаться чуть позже – с киренцев Каллимаха и Филостефана, Болоса из Мендеса и Архелая-египтянина.⁴⁵

Но определенно не на пустом месте.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бердяев, Н. (1951) *Царство Духа и царство Кесаря*. Париж.
- Бухарин, М. Д. (2007) *Неизвестного автора Перипл Эритрейского моря*. Санкт-Петербург.
- Гуторов, В.А. (1989) *Античная социальная утопия: Вопросы теории и истории*. Ленинград.
- Пёльман, Р. (1910) «История античного коммунизма и социализма», *Общая история европейской культуры*. Санкт-Петербург.
- Торшилов, Д.О. (1999) *Античная мифография. Мифы и единство действия*. Санкт-Петербург.

⁴⁵ В биографии этого поэта-эпиграмматиста достаточно тёмных мест. Хотя бы относительно места его рождения – некоего египетского городка с названием не то Херсонисо, не то Херсонесита. Архелая иногда помещали во времена как Александра, так и первого Птолемея. Но мы избегаем искушения дополнить им наш список эвгемериков, ибо находим больше резона полагаться на точку зрения и аргументацию Антониуса Вестерманна в его *Παράδοξογράφοι: Scriptorum Rerum Mirabilium Graeci, XXII–XXIV*. Впрочем, Архелая относили даже к временам Птолемея Эвергета II.

- Чернышов, Ю.Г. (1999) «Блоссий из Кум, политический консультант», *Полития. Политическое консультирование*. Москва.
- Truesdell, S. Brown (1946) «Euhemerus and the Historians», *The Harvard Theological Review* 39, 259–274.
- De Angelis, F., Benjamin, Garstad B. (2006) «Euhemerus in Context», *Classical Antiquity* 25, 211–242.
- Winiarczyk, M. (2002) *Euhemerus von Messene: Leben, Werk und Nachwirkung*. Munich.
- Winiarczyk, M. (2013) *The Sacred History of Euhemerus of Messene*. Berlin/Boston.
- Holzberg, N. (1996) «Novel-like Works of Extended Prose Fiction, II: A. Utopias and Fantastic Travel: Euhemerus, Iambulus», G. Schmeling, *The Novel in the Ancient World*. Leiden, 621–626.
- Ferguson, J. (1975) *Utopias of the Classical World*. New York.
- Rohde, E. (1960) *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Hildesheim.
- Westermann, A. (1839) *Παραδοξογράφοι: Scriptorum Rerum Mirabilium Graeci, Insunt: (Aristotelis) Mirabiles Auscultationes. Antigoni, Apollonii, Phlegontis Historiae Mirabiles, Michaelis Pselli Lectiones Mirabiles, Reliquorum Eiusdem Generis Scriptorum Deperditorum Fragmenta ; Accedunt Phlegontis Macrobiani Et Olympiadum Reliquiae Et Anonymi Tractatus De Mulieribus Etc.* Londini.

References in Russian:

- Berdiaev, N. (1951) *Tsarstvo Duha I tsarstvo Kesaria*. Paris.
- Buharin, M.D. (2007) *Neizvestnogo avtora Peripl Eritreiskogo moria*, St. Petersburg.
- Gutorov, V.A. (1989) *Antichnaya sotsial'naya utopiya: Voprosy teorii I istorii*. Leningrad.
- Pel'man R. (1910) «Istoriya antichnogo kommunizma i sotsializma», *Obshchaya istoriya evropeiskoy kul'tury*, St. Petersburg.
- Torshilov, D.O. (1999) *Antichnaya mifografiya. Mify I edinstvo deystviya*, St. Petersburg.
- Chernyshov, Yu.G. (1999) «Blossiy iz Kum, politicheskii konsultant», *Poliyiya. Politicheskoe konsul'tirovanie*. Moscow.